

МОЛОТ

ТЕАТР ДОБРОЕ НАЧАЛО

В помещении областного театра им. М. Горького идут гастроли Куйбышевского театра оперы и балета

ПЕРВЫЙ гастрольный спектакль — своего рода визитная карточка театра. У куйбышевцев ею стала «Аида» Джузеппе Верди — такой выбор объяснял ко многому... Достоинство справившись с труднейшей задачей, театр тем самым определил в глазах зрителей уровень своих творческих возможностей.

«Аида», созданная более века назад и повествующая о жизни, отдаленной от нас тысячелетиями, неизменно и повсеместно любима. Дело, разумеется, не в экзотике древности, которая лишь олицетворяет несоборимость пути, отделяющего нас от давно минувшей дали. Всерьез же влечет как раз то общечеловеческое, что сближает времена и народы, — та неподдельная правда характеров и судеб, которая так сильно и страстно воплотилась в музыке великого гуманиста Дж. Верди.

В спектакле гостей (режиссер-постановщик Б. А. Рябинкин) ошутимо стремление возможно зримее выразить именно эту правду характеров, найти реалистические мотивиров-

ки поступков героев. Этой же цели подчинено и оформление сцены (художники Т. и И. Старженецкие) — в достаточной мере условное, оно вводит зрителей в атмосферу времени, не отвлекая их внимания от происходящего. Отмечу еще одну составляющую успеха спектакля, на мой взгляд, чрезвычайно важную, — ту согласованность, которая отличает совместную работу постановщика и дирижера, заслуженного деятеля искусства РСФСР Л. М. Оссовского. Своеобразие интерпретации оркестровой и вокальных партий, в том числе некоторые изменения в традиционно принятых темпах, — все это оправдано стремлением реалистически, современно трактовать музыкально-драматургический материал оперы.

Не стоит, наверное, напоминать сюжет: достаточно широко известна эта трагическая повесть о любви рабыни, пленной эфиопской царицы Лиды и молодого военачальника египтянина Радамеса, о ревности мятущейся дочери фараона Амнерис, о смертоносной власти всемогущего египет-

ского жречества. Движет действие исполненный взрывной силы конфликт между неистовым порывом к счастью, к свободе и темным, бездуховным, античеловечным насилием.

Как и какими средствами реализуют свое участие в этом конфликте исполнители основных партий?

Главные герои, Аида и Радамес, — и жертвы, и духовные победители в этом жесточайшем столкновении живого с мертвым. Но если образ Аиды по глубине психологизма явился даже для Верди новаторским, то Радамес обрисован более обычными оперными приемами. Артист А. П. Дорофеев вполне корректен, но сначала несколько холодноват в этой очень «горячей» роли. Иное в сценах с Аидой у Нила и с Амнерис перед судом: актер уже внутренне расколан и искренен.

Сцены у Нила (с Амнерис и Радамесом) представляются несомненной удачей и заслуженной артистки РСФСР С. Е. Бондаренко, пластичной и женственной Аиды, — здесь она

по-настоящему достоверна и тепла. Но лирическая сторона актерского дарования исполнительницы, очевидно, доминирует над драматической, под стать ей и характер голоса — мягкий, приятный по тембру и небольшой, отчего, кстати, иные эпизоды проигрывают в выразительности или звучности (монолог «С победой возвратись», финал второго акта). Такая Аида, безусловно, тоже имеет право на сценическую жизнь, хотя центр тяжести основного конфликта несколько смещается в сторону Амнерис.

Развитие этого характера в спектакле достигает высшей точки в сцене суда над Радамесом и в предвещающем ее дуэте. Здесь актриса П. А. Губская полностью находит себя, освобождаясь от излишней аффектации и обретая безупречную интонационную чистоту. Отчаяние сматонной Амнерис неподдельно.

Но жрецы, к которым обращен этот крик сердца, не слышат его. Жреческая масса предстает в спектакле монолитной, безликой массой, чем-то вроде механизма, раз и на-

всегда «запрограммированного» на подавление всего живого. Верховный жрец Рамфис — тот, кто приводит в действие этот страшный механизм, — в точном и скульптурном исполнении артиста В. А. Капишникова вырастает в нокий символ мертвящего фанатизма.

Еще один персонаж, по-своему противостоящий творческому началу, — отец Аиды Амонасро. Сценическое воплощение этого образа — одна из главных удач спектакля. Этот пленный эфиопский царь в исполнении заслуженного артиста РСФСР Н. В. Коваленко умен, смел, дипломатичен, зорок, в нем, что называется, чувствуется порода, и все это не мешает проявлениям его необузданнейшего темперамента. Сценические возможности и большой «вердиевский» голос певца оставляют ощущение немалых нерастраченных резервов.

...Решение театром финальной сцены вполне соотносено с текстом последнего дуэта. То, о чем грезят Аида и Радамес, уходя из жизни, становится явью: исчезают стены каменной темницы — любящие свободны навеки!

Пусть оптимизм этого решения несколько прямолинейен — в музыке все сложнее и глубже — но разве не о ней, не о свободе, грезили люди с древности до наших дней?

Л. ИВАНЕНКО.